

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ И ВРЕМЯ В КОНТЕКСТЕ «РИТМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ»*

В последние десятилетия концепт *ритм* чрезвычайно популярен в науке и искусстве. Известно, что ритм как одно из организующих начал жизни не только порождает вопросы, связанные с темпоральными и пространственными характеристиками происходящего, но и вплетен в проблематику содержания и формы самых разных явлений (ритма звукового/цветового, ритма действия / взаимодействия, ритма порядка/беспорядка и проч.). Научная работа с этим понятием отсылает к характеру социума, его разнородным практикам, властным отношениям, формам мысли и действия, понятийному инструментарию исследователей и многим другим реалиям человеческого и природного существования. Опираясь на современные аналитические и конкретно-исторические исследования ритма, исторического события и времени, автор статьи показывает, что эти трансдисциплинарные поиски вписываются в формирующуюся на рубеже XX–XXI вв. «ритмическую парадигму». При этом характер ее становления и новые способы исследования времени, ритма и события в междисциплинарном пространстве проблематизируют структуралистское понятие парадигмы, введенное в историю науки Т. Куном.

Ключевые слова: проект RHUTHMOS, ритм, время, историческое событие, ритмическая теория.

Давно известно, что ритм как одно из организующих начал жизни не только порождает вопросы, связанные с темпоральными и пространственными характеристиками происходящего, но и вплетен в проблематику содержания и формы самых разных явлений (ритма звукового/цветового, ритма действия/взаимодействия, ритма порядка/беспорядка и проч.). Научная работа с этим понятием отсылает к характеру социума, его разнородным практикам, властным отношениям, формам мысли и действия, понятийному инструментарию исследователей и многим другим реалиям человеческого и природного существования. Понятие ритма присутствует во множестве дисциплин: физике, биологии, географии, антропологии, психологии, эстетике, музыковедении, поэтике, лингвистике, социологии, истории. Велик соблазн видеть в ритме «перекресток», место встречи различных способов познания. Проблема заключается в том, что *ритм* как концепт или понятие не подлежит однозначному определению. Еще Поль Ва-

* Статья подготовлена при поддержке фонда РФНФ, проект № 14-01-00357а

лери, рассмотрев это понятие с разных позиций, выявил не менее двадцати разновидностей ритма, но признался, что ни одна из них не является достаточной, чтобы дать исчерпывающую характеристику этому явлению¹. Многие исследователи отмечают туманный характер этого понятия. Причем многозначность присуща не только собственно концепту: даже внутри одной дисциплины существует разное понимание его природы и содержания. Тем не менее, с 1990 г. после длительного перерыва, связанного, отчасти, с безраздельным доминированием знака в структурализме, начинается ренессанс ритмических исследований, оформляется ритмическая теория.

В 2010 году французский историк и философ Паскаль Мишон², учитывая растущий интерес к ритмическим явлениям в разных сферах освоения мира, а также к концепту *ритм* как аналитической категории, создал в Интернете международную трансдисциплинарную платформу изучения ритмов в науке, философии и искусстве – RHUTHMOS. Создавая этот сайт, на котором сегодня помещены материалы более 200 авторов, Мишон, помимо прочего, хотел проверить свою гипотезу о том, что на рубеже XX–XXI вв. формируется новая научная парадигма – *ритмическая*³.

Понимая научную парадигму, как «совокупность наблюдений, проблем, методологических указаний и результатов, ориентирующих практику различных наук в определенный период», Мишон, идентифицируя парадигму в истории науки, выделяет принципиальный концепт и дисциплину, являющуюся эпистемологической моделью. При таком подходе во второй половине XX века в мировой науке, по Мишону, существовало четыре основных парадигмы. В 1950–1960 гг. это структурализм (концепт – *структура*, ведущая дисциплина – лингвистика); системная парадигма (концепт – *система*, дисциплина – кибернетика). Начиная с 1970-х и особенно в 1980-е гг. эти две модели постепенно начинают теснить два новых концепта – *различение* и *индивид*, которые вступают в весьма сложные отношения с двумя старыми моделями. При этом в 1990 гг. в первой модели лингвистику в качестве «парадигмального центра» сменяет философия темпоральности, а во второй на смену

¹ Bourassa 1992. P. 103.

² Книги и статьи П. Мишона, работающего в русле интеллектуальной истории четверть века, захватывают оригинальностью идей, новизной проблематики, ясностью и глубиной аргументации. По мнению Анри Мешоника, этот ученый – «живое воплощение современной трансдисциплинарности»: он свободно ориентируется не только в истории и философии, но и в других науках, включая естественные.

³ Michon 2011.

кибернетике приходит экономика. В наши дни судьба этих парадигм интенсивно обсуждается. Но, по мнению Мишона, ни одна из них не соответствует больше реалиям стремительно меняющегося мира: «радикальный исторический разрыв (*la coupure*), через который мы только что прошли, сделал эти интеллектуальные модели устаревшими».

В новом глобализованном мире трансформации реальности опережают разработку теоретического инструментария для ее анализа⁴. В условиях тотальной коммерциализации человеческих отношений «десистематизация», «разгосударствление», «раздисциплинирование» присутствуют во всех сферах жизни. Разобраться в этом при помощи традиционных объяснительных схем и привычных концептов «система», «структура», «индивид», «взаимодействие» удастся не всегда. Радикальная критика мирового порядка тридцати-сорокалетней давности определенно утрачивает свой освободительный заряд, превращаясь в опору неолиберализма. Ситуация осложняется тем, что переизбыток информации и ее доступность породили так называемый «академический фагоцитоз», проявляющийся в поверхностном переваривании критической мысли, которая является лишь поводом для получения научных степеней и бесчисленных комментариев⁵. Все это делает задачу обновления концептуального мышления прагматической необходимостью.

На рубеже XX–XXI вв. в научном мире, в том числе в науках о человеке и обществе, происходят существенные изменения, которые едва успевают отслеживать специалисты. В 1996 г. комиссия ученых под руководством И. Валлерстайна выделила несколько главных аспектов порожденного этими изменениями обновления: проблематизация границ между человеком и природой; восстановление в правах времени и пространства как важнейших составляющих аналитического инструментария социальных наук; учет историчности социальных феноменов и перенос акцента на сложность, темпоральность и нестабильность социальных явлений; пересмотр фундаментальных дихотомий социальных наук: единичное – общее, универсальное – особенное, индивидуальное – коллективное, микро – макро и прочее; интернационализация науки: преодоление государствоцентричного характера социальных наук и проблематизация естественности государства, длительное время считавшегося главным распорядителем границ, в рамках которых разворачивается действие и его анализ; смягчение демаркаций, установ-

⁴ Michon 2007.

⁵ Ландольт 2009.

ленных в XIX в. между экономическим, политическим и социальным в пользу полидисциплинарных подходов⁶.

Речь идет, по сути, о пересмотре эпистемологических основ социогуманитарного знания, выводящем на первый план двойное требование: плюрализма и открытости. За прошедшее время многое в этом диагнозе подтвердилось, и сегодня можно говорить о развитии социальных наук в духе «плюралистической универсальности», позволяющей учитывать концептуализации, родившиеся в разных национальных традициях и в соответствии с различными методологическими установками. При этом имеется в виду универсальность нового типа, при которой не только «части входят в целое, но и целое в части» (Э. Морен). Стержнем всех без исключения дисциплин является более внимательное отношение к темпоральным и пространственным измерениям исследуемых явлений и процессов. Мир, находящийся «в пункте системной бифуркации»⁷ и новом «режиме историчности»⁸ заново формулирует проблематику социального изменения, отдавая предпочтение не столько генезису, сколько становлению. Более тесными стали отношения между историей и другими социальными и гуманитарными науками. Междисциплинарные исследования уже не только научная мода, но весьма результативный подход к решению исследовательской задачи. Явно уходит в прошлое недооценка связей с философией. В условиях рефлексивного поворота в социальных науках и кризиса нормативной классической эпистемологии интенсивно развивается в последние годы прагматически ориентированная, тесно связанная с историографией историческая эпистемология.

В мировой науке активно идет поиск гибких и динамичных исследовательских подходов, способных объединить эмпирические и рефлексивные аспекты в исследовательской деятельности. В русле таких подходов объект изучения и рефлексия ученого неразрывно взаимосвязаны и переопределяются в терминах «сложного мышления» (Э. Морен). При таком понимании «теория», исследовательский инструментарий ученого предстает как «ящик с инструментами» (метафора Л. Витгенштейна), который создается самим исследователем в каждой конкретной ситуации, по сути, «заново». Как свидетельствуют многочисленные конкретно-исторические исследования последнего десятилетия, такая стратегия позволяет открывать новые исследова-

⁶ Ouvrir les sciences sociales. 1996.

⁷ Валлерстайн 1997.

⁸ Hartog 2003.

тельские поля и получать принципиально новое знание. Приоритетное значение при этом приобретают способы производства знания, осмысление роли ученого в этом процессе, анализ того, как он работает, посредством каких процедур, исследовательских стратегий и теоретико-методологических установок достигается научный результат.

Одно из направлений поисков связано с переосмыслением концепта *ритм* и применением в исторической антропологии, исторических и политических исследованиях *ритмической теории*, разработанной в антропологии, социологии и лингвистике. Еще в начале прошлого века М. Мосс сформулировал тезис: «Человек – это ритмическое животное»⁹. Изучение темы ритма, начатое в 1990-е гг. на пересечении философии, социальных наук и поэтики, показало, что она содержит в себе мощный эвристический потенциал. Стало ясно, что на протяжении всего XX века с небольшими перерывами ритм являлся объектом пристального внимания не только в естественных науках и философии, но также в социологии, антропологии, психологии, психоанализе, киноведении, литературоведении, истории¹⁰.

Осмысление полученных результатов позволило реконструировать в духе радикального историзма генеалогию концепта *ритм* и предложить другое его содержательное наполнение. Не отрицая широко распространенного понимания ритма как темпа П. Мишон предлагает вернуться к более широкому, по его мнению, доплатоновскому концепту *rhuthmos*, (букв. *рифма*) который, как показал Э. Бенвенист, означал в Древней Греции «форму движущегося»¹¹. Так понимаемый ритм позволяет помыслить и описать то, что раньше представлялось невидимым: не столько интеракции индивид/индивид или система/индивиды, сколько «манеру течения» (*manière de fluer*), общую организацию этих интеракций. В результате на первом плане оказывается процесс формирования индивидов (*индивидуация*) и выявление темпоральной и пространственной организации этого процесса.

Обычно под индивидуацией понимается формирование единичного индивида, принадлежащего самому себе и отличающегося от других. Эта концепция – основа этики и политики либерального индивидуализма, а также индивидуалистической методологии, которая, по мнению Мишона, во многом себя исчерпала. Считается, что модель «индивиду-собственника» (*individe-possesive*) оформилась в XVII–XVIII вв. Однако

⁹ Michon 2010.

¹⁰ Michon 2005.

¹¹ Benveniste 1966.

в эпоху Просвещения существовала также альтернативная модель, хотя и менее заметная. В русле этой модели, сформировавшейся в артистических кругах в практиках производства и обмена не экономического, а художественного рода, индивид осмысливался в терминах «манеры», способа существования. Известно, что эту модель использовал Д. Дидро при анализе художественных практик. Она позволяет критически переосмыслить процесс формирования индивида. В отличие от «притяжательного индивида» или «индивида-посессива» (понятия введенного в науку Гоббсом и Локком), «индивид-манера» не сводим к самому себе, он существует только во взаимодействии с публикой. Среди бесчисленных «способов течения» (*les façons de fluer*) «хорошими» можно назвать те ритмы, которые позволяют единичным и коллективным индивидам найти для себя наилучшую манеру изменения. В идеале это способен сделать творческий человек, художник, поскольку ритмы индивидуации художника не обязательно предполагают состояние борьбы, войны и проч. Один великий мастер не отменяет другого, они сосуществуют.

По Мишону, процесс индивидуации (единичной и коллективной) включает как минимум три аспекта: «телесность», т.е. техники, организующие «течение тел», (Мишон вводит новый термин *течение* – *le fluement*); «дискурсивность», т.е. техники, организующие языковую деятельность (*langage*), то, что принято сегодня называть дискурсом, и «социальность», т.е. техники, определяющие формы интенсивности взаимодействий тел-языковых практик. Мишон называет это «ритмической организацией процесса индивидуации». Важно, что все три аспекта индивидуации неразрывно связаны между собой. И только в результате переплетения телесности, дискурсивности и социальности конституируются «души». «Ритм индивидуации» Мишон представляет как универсальное свойство человека. В каждый исторический период, в каждой рассматриваемой группе такие техники формируют сложный диспозитив – ритм ритмов. Получается, что индивидуация не сводится к интеракциям между нормами и существующими ценностями, с одной стороны, и сознанием уже оформившихся индивидов, с другой.

Все эти любопытные теоретические размышления позволяют переосмыслить понятия индивида и субъекта, индивидуации и субъективации. В социальных науках, да и в философии субъект, по мнению Мишона, остается неясным пятном, несмотря на то, что очень многое уже сделано. Например, историки давно изучают тело во всех его проявлениях: сексуальность, гендер, восприятие, вкус, обоняние, видение; всесторонне исследуются сансибилите, воля, разум, память, а также

эмоции, чувства, воображаемое. Предпринимаются настойчивые, хотя и не всегда успешные попытки понять метаморфозы идентичности. Цельный букет блестящих исследований создан в русле исторической антропологии. Но современная историческая антропология по Мишону, это «букет без вазы». Ибо единственная история, которая могла бы придать смысл этому плодотворному поиску – история субъекта – до сих пор не написана¹². Мишон отмечает два основных препятствия для понимания субъекта. Во-первых, это абсолютизация понятия социального как в холистской перспективе, так и в перспективе методологического индивидуализма, что приводит к смешению концептов субъекта и индивида. Во-вторых, в социальных науках отсутствует лингвистическая теория, которая не сводила бы языковую деятельность к одной из сфер социального. Между тем развитие теории речевой деятельности и поэтики во второй половине прошлого века открыли новые перспективы. Ряд авторов (М. Бахтин, Э. Бенвенист, А. Мешоник) показали, что языковая деятельность (лангаж) – это не просто подсистема социума, но интерпретант социального. Это деятельность, позволяющая конституировать человеческую жизнь, взаимодействовать с миром и другими людьми.

По-новому понятый ритм представляется Мишону хорошим средством уловить индивида в его «текучести». Причем не только в нашей динамичной модерности, но и в каждый исторический момент во всех обществах. Это открывает новые возможности, в том числе в изучении исторического события и тесно связанной с ним проблематики исторического времени. Не удивительно, что в проекте RHUTHMOS активно участвуют историки. Например, Ж.-К. Шмитт, изучив «ментальный инструментарий» медиэвистов, преимущественно французских, работающих с проблематикой исторического времени пришел к выводу, что именно ритмы позволяют лучше понять динамику истории и природу исторического изменения¹³. Шмитт и его коллеги участвуют в научных мероприятиях в рамках проекта RHUTHMOS. Кроме того, Ж.-К. Шмитт уже несколько лет работает над книгой о ритмах в Средние века на Западе. В одном из докладов, размышляя о социальных ритмах в Средние века, ученый показал, что в ту далекую эпоху *rhuthmus* был связан главным образом с дискурсом, с поэтикой и риторикой, с поэзией и ритмической прозой¹⁴. Однако в небольшой книге, опубликованной в начале 2014 г., ритм в Средние века исследуется как «манера течения», как

¹² Michon 2011.

¹³ Schmitt 2005. С. 51.

¹⁴ Schmitt 2013.

способ «организации изменения» во многих других сферах жизни¹⁵. Историки осваивают идеи ритмической теории на конкретном материале других эпох. Так, группа французских ученых предложила новое видение истории Пятой республики, в основе которого размышления о ритмах экосистемы Франции за последние пятьдесят лет¹⁶. Это важно, поскольку одна из главных задач проекта RHUTHMOS – не только уточнение интегративных возможностей концепта *ритм*, но прежде всего междисциплинарные конкретно-исторические исследования различных явлений с использованием элементов ритмической теории.

Тема ритма органично сопряжена с проблематикой времени и исторического события. При этом исследование ритма, времени и события явно связано с синергетикой, с теориями самоорганизации и хаоса. Исследование исторического события и времени в науках о человеке и обществе активизировалось лишь в конце 1980-х гг., когда историки одновременно с физиками «переоткрыли» время как особый исследовательский «объект», длительное время остававшийся «немислимым» в исторической дисциплине (М. де Серто)¹⁷.

Историческое событие, являясь стержнем историописания, до сих пор имеет статус одного из самых трудных для понимания явлений и категорий научного анализа¹⁸. История, оформляясь в социальную науку, конституировала свою научность против события: критика последнего становится важной составляющей вдохновляемой естественными науками прескриптивной эпистемологии, в русле которой познание единичного, сингулярного считалось невозможным. Однако событие всегда возвращалось. Сегодня изучение события имеет трансдисциплинарный характер. При этом в социальных науках в целом, в том числе в истории, все ощутимее влияние философского осмысления события и событийного времени (М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Бодрийар, П. Рикёр, А. Бадью и др.). Например, онтологическую неопределенность и вездесущность события очень точно выразил Фуко: «событие – это всегда рассеивание (*dispertion*), множество. Это то, что происходит здесь и там, это многоголовое чудовище»¹⁹.

Рикёр выделил три возможных уровня толкования события: не-сингнификативное событие²⁰; упорядоченность и торжество смысла,

¹⁵ *Formier, Schmitt* 2014.

¹⁶ *Comprendre la V-e République*. 2010.

¹⁷ *Чеканцева* 2011.

¹⁸ *Воробьева* 2014. С. 31-44.

¹⁹ *Фуко* 1996.

²⁰ *Significare lat.* – значить, иметь смысл.

доходящее до бессобытийности; появление сверхсигнификативных, сверхзначимых событий²¹. Первый уровень предполагает простое описание «того, что было» и подразумевает удивление, свежий взгляд на положение вещей. На втором уровне уникальность события растворяется в соответствующем паттерне, вплоть до полного отрицания события. Третий уровень имеет интерпретативный характер, при нем событие исследуется как единичное явление, наделенное сверхсмыслом²².

Ж. Делёз полагал, что событие – это и есть смысл, рождающийся «в развилке времени» (*ligne de partage*). Правильнее, видимо говорить о времени во множественном числе, поскольку, размышляя о темпоральной природе событийности, Делёз пишет о двух видах времени, тесно связанных друг с другом и одновременно плохо совместимых. Это Хронос – вечное настоящее, материальный носитель ризоматической темпоральной среды. И Эон – бестелесное и неопределенное, пребывающее в непрерывном изменении темпоральное образование, в котором нет настоящего, но есть лишь растягивающиеся в сложных коммуникационных связях с другими Эонами прошлое и будущее²³.

Постепенно историки осознали, что ни контекстуализация, ни понимание конструктивистской природы исторического события не освобождает их от загадочных апорий событийности, ускользающей от схватывания в процессе историографической операции. Из повседневного опыта хорошо известно, что в условиях серьезных перемен не всегда удастся адекватно осмыслить происходящее. Смысл его как бы подвешивается, становится неясным. Участник события или наблюдатель попадает в экстраординарную ситуацию неопределенности и непроговариваемости. Кроме того, вслед за Делезом ученые поняли, что событие – это воплощенное становление, которое никогда полностью не принадлежит только завершеному прошлому, ибо постоянно переосмысливается, переопределяется в актуальном настоящем, играя в нем определенную роль. Стало ясно, что историческое событие обладает длительностью, которая не сводима к темпоральности фактических данных, составляющих это событие. Приближающееся событие неизбежно нагружено разного рода восприятиями, которые формировались задолго до того, когда событие произошло. Кроме того, событие имеет собственную темпоральность, плотно связанную с темпоральностью тех, кто его конституировал и проживал. Носителями событийной тем-

²¹ Ricoeur 1991. P. 51-52.

²² См. также: Досс 2013. С. 35-36.

²³ Делёз 1998.

поральности являются люди, конкретные индивиды и коллективы, мужчины и женщины, отношения которых к происходящему, как правило, не совпадают, и нередко бывают противоположными. Историки хорошо знают, как сложно согласовать различные свидетельства источников об одном и том же событии. Получается, что «событие совершается в русле очень большой длительности при посредстве структурирующих эффектов социальных и политических отношений. Более того, оно формирует память. Учитывая все это, историк может понять событие только в контексте весьма сложной системы темпоральностей»²⁴.

Погружаясь в темпоральную проблематику, историки стали изучать и осмысливать «время» событий: время бунта, праздника, ритуала, сражения, время политических выборов, переворотов, революций и проч. Линейное время традиционной историографии «приручало» событие, вписывая его в определенные хронологические / пространственные рамки и столь же определенные «порядки» навсегда ушедшего «прошлого». Сегодня историки, используя самые разные приемы, напротив, стремятся показать взрывную силу события, скрытые в нем возможности и выявляют в материале темпоральные особенности событийности. В изучении события все большее место стала занимать неопределенность вовлеченного в действие исторического актора. Анализ такого действия позволяет лучше описать соотношение этой неопределенности и возможностей, скрытых в неизбывной загадочности событийности.

Осознав роль исторической памяти, историки на материале разных эпох показали важность следов события и метаморфозы его смыслов в ходе длительного существования²⁵. Это радикально изменило перспективу исторического исследования. Если раньше очень разные историки стремились объяснить настоящее с помощью прошедшего, то теперь они все чаще отказываются от каузальной объяснительной схемы, в которой событие интерпретируется в свете породивших его причин и обращаются к герменевтике события, фокусируя свое внимание на следах того, что произошло. В этой связи историка интересует уже не только содержание события в момент, когда оно «имело место», но прежде всего тот шлейф трансформирующегося во времени смысла, который и придает такому исследованию открытый характер, ибо в поле зрения исследователя попадают не только лежащие на поверхности «факты», но и нереализованные возможности, не

²⁴ Farge 2002.

²⁵ См. напр.: Dupront 1977; Duby 1973; Rouso 1990.

замеченные современниками, но неожиданно актуализированные их потомками. Большое количество исследований написано сегодня именно в такой оптической перспективе.

Для того чтобы понять историческое событие и взаимоотношения людей в разных контекстах, Мишон предлагает сосредоточиться на действии и его организации, т.е. выявить и описать «манеру течения», способы телесной, языковой и социальной активности, в ходе которой единичные и коллективные индивиды появляются, самоопределяются и исчезают. При этом Мишон проблематизирует широко распространенное объяснение происходящего сегодня общим ускорением исторического развития. Время – важная составляющая такой активности, но скорость ее течения, по мнению ученого, не является определяющей. Важнее скорее, то, каким образом организованы «способы течения» основных видов такой активности – телесные, языковые, социальные, т.е. важно показать их ритмы, а также разнообразные качественные характеристики единичных и коллективных индивидов. При этом Мишон обосновывает примат языковой деятельности (лангаж) в этих «способах течения».

В условиях постнеклассического познания, вероятно, следует перестать доверять куновской концепции научной парадигмы, которая является продуктом структуралистской эпохи и никогда без оговорок не принималась социальными и гуманитарными науками²⁶. В историографической и социокультурной ситуации последних десятилетий Мишон предлагает иное понимание парадигмы, становление которой происходит в ритмическом режиме. Она формируется в междисциплинарном исследовательском поле «как единый и многосложный ансамбль специфических способов (манер) течения мысли, каждый из которых сохраняет свою специфику²⁷. Стержень такой «парадигмы» составляет критический плюрализм, позволяющий сосуществовать разным подходам и концепциям, не претендующим на истину в последней инстанции,

²⁶ Б. Латур, размышляя о сомнительной полезности этого понятия, считает, что его значение в науке явно преувеличено. Это «слово-чемодан», иронично пишет философ, стало главным багажом ученого, находящегося во внешнем кармане с надписью «философия науки». Но оно означает всего лишь исследовательскую практику, «modus operandi, позволяющий внезапно проявляться новым фактам; это больше похоже на дорогу к экспериментальной площадке, чем на некий фильтр, который бы навсегда приукрасил данные». Куновская «парадигмальная революция», считает Латур, ничего общего не имеет с историей наук, ее ритмами, темпом и составляющими компонентами. *Latour 2006*.

²⁷ *Michon 2011*.

но отслеживающий обоснованность каждой из точек зрения в целях использования возможных результатов в интересах познания и культуры. При этом время, в том числе время событийное, включено в эту «парадигму» со всеми своими свойствами, соединяясь с языковой деятельностью как антропологической основой социального мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бауман З.* Текущая модерность: взгляд из 2011 года.
URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>
- Валлерстайн И.* Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменится? // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 8-21.
- Воробьева О.В.* О событии и событийности в историческом познании // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 31-44.
- Делёз Ж.* Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
- Досс Ф.* Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю? М.: РОССПЗН, 2013. С. 9-56.
- Ландольт Э.* В ритме происходящего: Рец.: Pascal Michon. Les rythmes du politique. Democratie et capitalisme mondialise. Paris. Les Prairies Ordinaires, 2007 // Пушкин. 2009. № 1.
- Фуко М.* Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Мн.: Изд. ООО «Красико-принт», 1996. С. 74-97.
- Чеканцева З.А.* «Нарративное» время историка // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2012. С. 55-74.
- Benveniste E.* La notion de “rythme” dans son expression linguistique [1951] // Problèmes de linguistique générale. Paris: Gallimard, 1966.
- Bourassa L.* La forme de mouvement (sur la notion de rythme) // Horizons philosophique. 1992. T. 3. N 1. P. 103-120.
- Comprendre la V-e République. Sous la direction de G. Garrigues, S. Guillaume, J.-F. Sirinelli. Paris. PUF. 2010.
- Hartog F.* Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris; Seuil, 2003.
- Michon P.* Comme un bouquet sans vase. Pour une anthropologie historique du sujet et de l'individu. Les Editions Rhuthmos, 2011.
- Farge A.* Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // Terrain. 2002. N 38. P. 69-78.
- Formier M., Schmitt J.-C.* (dir.). Rythmes et croyances au Moyen Age. Bordeaux. Mediævalia. 2014. 152 p.
- Latour B.* Avons nous besoin de «paradigmes»? //Cronique d'un amateur de sciences. Paris. Press des Mines. 2006. URL: <http://books.openedition.org/pressesmines/164>.
- Michon P.* Les Rythmes du politique. Démocratie et capitalisme mondialisé. Paris. Les Prairies ordinaires, 2007.
- Michon P.* Marcel Mauss retrouvé. Origines de l'anthropologie du rythme. Les Editions Rhuthmos, 2010.
- Michon P.* Rythmes, pouvoir, mondialisation. Paris: PUF, 2005.
- Michon P.* Sommes-nous en train d'assister à l'émergence d'un nouveau paradigme scientifique: le paradigme rythmique? // Rhuthmos, 6 décembre 2011.
URL: <http://rhuthmos.eu/spip.php?article342>.

- Ouvrir les sciences sociales*. Rapport de la Commission Gulbenkian pour la restructuration des sciences sociales, présidée par I. Wallerstein. 1996.
URL: <http://www.uqac.ca/jmt-sociologue/>
- Roussio H. Le syndrome de Vichy: de 1944 à nos jours. Paris. Seuil. 1990.
- Schmitt J.-C. Le Temps. «Impensé» de l'histoire ou double objet de l'historien? // Cahiers de civilisation médiévale. 48e année (n°189). Janvier-mars 2005. P. 31-52.
- Schmitt J.-C. Pourquoi et comment étudier les rythmes sociaux au Moyen Âge? Rhuthmos, 1er juillet 2013 [en ligne]. URL: <http://rhuthmos.eu/spip.php?article932> (дата обращения: 20.07.2013).

BIBLIOGRAFIJA

- Bauman Z. Tekuchaja modernost': vzgljad iz 2011 goda.
URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>
- Vallerstajin I. Social'noe izmenenie vечно? Nichto nikogda ne izmenitsja? // Sociologicheskie issledovanija. 1997. № 1. S. 8-21.
- Vorob'eva O.V. O sobytii i sobytijnosti v istoricheskom poznanii // Dialog so vremenem. 2014. № 48. S. 31-44.
- Deljov Zh. Logika smysla / Per. s fr. M.: Raritet, Ekaterinburg: Delovaja kniga, 1998.
- Doss F. Kak segodnja pishetsja istorija: vzgljad s francuzskoj storony // Kak my pishem istoriju? M.: ROSSPZN, 2013. S. 9-56.
- Landol't Je. V ritme proishodjashhego: Rec.: Pascal Michon. Les rythmes du politique. Democratie et capitalisme mondialise. Paris. Les Prairies Ordinaires, 2007 // Pushkin. 2009. № 1.
- Fuko M. Nische, genealogija i istorija // Filosofija jepohi postmoderna: Sbornik perevodov i referatov. Mn.: Izd. OOO «Krasiko-print», 1996. S. 74-97.
- Chekanceva Z.A. «Narrativnoe» vremja istorika // Istoricheskaja nauka segodnja: Teorii, metody, perspektivy / pod red. L.P. Repinoj. M.: LKI, 2012. S. 55-74.
- Benveniste E. La notion de “rythme” dans son expression linguistique [1951] // Problèmes de linguistique générale. Paris: Gallimard, 1966.
- Bourassa L. La forme de mouvement (sur la notion de rythme) // Horizons philosophique. 1992. T. 3. N 1. P. 103-120.
- Comprendre la V-e République. Sous la direction de G. Garrigues, S. Guillaume, J.-F. Sirinelli. Paris. PUF. 2010.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris; Seuil, 2003.
- Michon P. Comme un bouquet sans vase. Pour une anthropologie historique du sujet et de l'individu. Les Editions Rhuthmos, 2011.
- Farge A. Penser et définir l'évenement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // Terraine. 2002. N 38. P. 69-78.
- Formier M., Schmitt J.-C. (dir.). Rythmes et croyances au Moyen Age. Bordeaux. Mediævalia. 2014. 152 p.
- Latour B. Avons nous besoin de «paradigmes»? //Cronique d'un amateur de sciences. Paris. Press des Mines. 2006. URL: <http://books.openedition.org/pressesmines/164>.
- Michon P. Les Rythmes du politique. Démocratie et capitalisme mondialisé. Paris. Les Prairies ordinaires, 2007.
- Michon P. Marcel Mauss retrouvé. Origines de l'anthropologie du rythme. Les Editions Rhuthmos, 2010.
- Michon P. Rythmes, pouvoir, mondialisation. Paris: PUF, 2005.
- Michon P. Sommes-nous en train d'assister à l'émergence d'un nouveau paradigme

scientifique: le paradigme rythmique? // Rhuthmos, 6 décembre 2011. URL: <http://rhuthmos.eu/spip.php?article342>.

Ouvrir les sciences sociales. Rapport de la Commission Gulbenkian pour la restructuration des sciences sociales, présidée par I. Wallerstein. 1996.

URL: <http://www.uqac.ca/jmt-sociologue/>

Rousso H. Le syndrome de Vichy: de 1944 à nos jours. Paris. Seuil. 1990.

Schmitt J.-C. Le Temps. «Impensé» de l'histoire ou double objet de l'historien? // Cahiers de civilisation médiévale. 48e année (n°189). Janvier-mars 2005. P. 31-52.

Schmitt J.-C. Pourquoi et comment étudier les rythmes sociaux au Moyen Âge? Rhuthmos, 1er juillet 2013 [en ligne]. URL: <http://rhuthmos.eu/spip.php?article932> (дата обращения: 20.07.2013).

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; achekantzev@mail.ru

Zinaida Chekantseva, Dr.Sc. (History), Professor, leading research fellow of the Institute of World History, the Russian Academy of Sciences; achekantzev@mail.ru